

Семема ‘дишло плуга, борони’ репрезентується словом *гриґ’іл’*; ‘вила для картоплі’ – *ґ’рал’і*; ‘дерев’яна каблучка в держаку та бияку ціпа’ – *капиц’і*; ‘трикутний леміш плужка для підгортання картоплі’ – *рил’це*; ‘широкий перстень на краях голови возового колеса’ – *рихва*; ‘ніжка січкарні’ – *р’і’зак*; ‘орати врозгін’ – *роз’іг’нати*; ‘передня скісна підпірка драбини воза’ – *ручич’і*; ‘дерев’яні вила’ – *сохо’вили*, *тр’інча’ки*, *штирн’ач’ки*; ‘нижній камінь у млині’ – *сп’ід’н’ек*; ‘залізні пруті для віжок у колісницях плуга’ – *ш’тици*. Чимало номенів у досліджуваних говірках маніфестують семему ‘пропуск в оранці’: *гр’іх*, *зал’ім*, *клин*, *недо’орок*, *об’мин*, *огр’іх*, *ор’іх*, *сказ*, *ц’і’лец’*.

Слід відзначити, що в сільськогосподарській лексиці особливо виразно виявляється тенденція до системності, яка, зрозуміло, відбиває структурну організацію у світі реалій. Для прикладу розглянемо мікрогрупу назв такого сільськогосподарського знаряддя, як вила: *вили* – родова назва, *дв’ійча’ки* – ‘вила з двома ріжками’, *тр’інча’ки* – ‘вила з трьома ріжками’, *штирн’ач’ки* – ‘вила з чотирма ріжками’, *ґ’рал’і*, *ґ’раци* – ‘вила для картоплі, буряків’, *сохо’вили* – ‘вила для сіна, трави’. У говірці с. Великий Глибочок (Тернопільщина) номен *ґ’рал’і* – це ‘вила для викидання гною’. Із таким вузьким значенням це слово фіксується ще в кількох говірках досліджуваного діалекту.

У сільськогосподарських знаряддях значну роль відіграють частини, що з’єднують певні вузли того чи іншого пристрою. Їх назви утворюють окрему мікросистему: *стоу’ба*, *попе’речка*, *з’лиц’і*, *вуха*, *клин*, *кли’нец*, *капиц’і*, *увійез’*. Чималу мікропарадигму становлять поодинокі наддністрянські номени, що побутують у різних говірках, як-от: *букша* – ‘втулка до дерев’яних коліс’, *рихва* – ‘кронштейн у кріпленні воза’, *верен’ка* – ‘рядно для носіння сіна’, *ш’т’іліско* – ‘ручка мотики’, *ґ’раса*, *ґ’раца* – ‘вила для картоплі’. Таким чином, у сфері сучасної діалектної сільськогосподарської лексики відбувається постійна взаємодія говорів і літературної мови.

Узагальнюючи проведений аналіз тематичної групи назв сільськогосподарської сфери, можна стверджувати, що вона характеризується меншою членованістю її інгредієнтів за конкретними мікроареалами. Більшість лексем відома всім говіркам наддністрянського діалекту, і лише окремі назви маніфестують його членування на західну і східну частини.

Викторія ВАКАРЮК, Людмила ВАКАРЮК

© 2002

СРАВНЕНИЕ И МЕТАФОРА

Если под языковым образом в лингвистическом аспекте следует понимать наглядное представление, возникающее в сознании реципиента при восприятии образно номинативной единицы, то становится очевидным, что он соотносится с единицами ментального языка и обусловлен противоречием между континуальным характером действительности и линейными психофизиологическими особенностями человеческой речи. Поэтому образ – не фото, а картина. Признаки денотата в нём изменены, редуцированы, домыслены.

Образ есть целенаправленное восприятие факта, он субъективен с точки зрения говорящего, а, следовательно, модален. Образ выступает в языке как способ “остановить мгновение” и квалифицировать (описать) его. Последнее утверждение объясняет тот факт, что образ и связанная с ним языковая образность – явление весьма

распространенной в языке. К языковому образу прибегают не только в рамках художественной речи, что имеет вполне логическое объяснение и носит логический характер, но и в речи научной, где эта образность становится настолько «привычной», что перестает наблюдаться носителями (пользователями) языка (ср.: мягкий согласный, корень слова, гнездо слов и мн. др.). К языковому образу прибегают и тогда, когда возникает потребность назвать пока непонятное или несуществующее (например: чёрная дыра, бермудский треугольник, петля времени и т. д.).

В основе образа, равно как и языковой образности, лежит сравнение одного предмета с другим. Однако, чистое сравнение-уподобление есть лишь основа языкового образа. В этом смысле можно сказать, что и сравнение, и образ осуществляются на ментальном уровне, а специфика выбора предмета и основания сравнения определяются при этом как интернациональными факторами (изоморфизмом отражательного аппарата людей разных национальностей, общим культурно- историческим фондом человечества, общими чертами научно-технического прогресса и информационных процессов в современном мире), так и национальными (историей развития данной нации, её религией, фольклорными традициями, страноведческими особенностями, психическим сознанием народа). Сравнение-уподобление, которое лежит в основе образа, представляет уровень чувственного отражения действительности. В процессе же вербализации образной картины мира происходит осложнение сравнения за счет семантических наслоений слов, участвующих в выражении образа. Так возникает языковая образность.

Основной фигурой языковой образности следует признать семантический перенос, в результате которого появляются метафора, метонимия, синекдоха. Из этого следует вывод, что сравнение лежит в основе вышеуказанных образных средств языка.

В лингвистической традиции довольно часто многообразие переносных осмыслений отождествляется с метафоричностью языка, с помощью которой может передаваться сложный мир человеческих знаний и представлений, точных сведений и воображаемых ассоциаций, уже известных и ещё неизвестных фактов [3, 21].

Точно так же как сравнение следует признать универсальной категорией логики, метафорическая подвижность слов и словосочетаний является универсальным свойством практически любого языка, придающая ему идиоматичность, которая логике неизвестна [3, 21]. В этом смысле сравнение и метафора могут быть «разведены» в разные стороны.

Возможно, что именно из этого вытекает точка зрения, согласно которой метафора признаётся первичной, а сравнение вторичным по отношению к метафоре. Эта точка зрения встречается в работах Лыского И.П., Ерёмовой В.И., Григорьева В.П., Нестанавшевой Н.Г., Ставицкой Л.О.

Однако более распространенной в лингвистической науке является точка зрения, согласно которой в создании образной картины мира первичным признаётся сравнение, а метафора вторичным по отношению к нему. Изначально эта точка зрения обнаруживает себя в «Поэтике» Аристотеля, который, признавая ассоциативный характер метафоры, сводил её тем самым к сравнению.

Эта же точка зрения последовательно изложена в трудах А.А.Потебни и В.В.Виноградова. Так, А.А.Потебня в работе «Теоретическая поэтика», рассматривая вопрос о реконструкции внутренней формы слов и словосочетаний, содержащих в себе образность, говорит о сравнении как основе семантических сдвигов, возникающих в слове [6, 42-97,104]. Особо выделил автор «метафорическое сравнение», которое противопоставляется сравнению собственно языковому [6, 213]. Более того, учёный выделяет «сравнение в тесном смысле» и «уподобление», которые различаются между собой степенью конкретности образа [6, 226].

В работе В.В. Виноградова «Поэтика русской литературы» рассматривается поэтическое сравнение в поэзии А. Ахматовой. Автор приписывает сравнению способность символизации образа, в результате чего сравнение представляет собой метафорическое осмысление поэтических образов [4, 409].

Подобная точка зрения встречается и в работах современных учёных. Н.Д. Арутюнова, рассматривая смысловую структуру метафоры, считает, что в её основе лежит сравнение. Другими словами, метафорический перенос возможен только при условии сравнения “субъектов метафоры” [2, 1978].

Подобный подход имеет место и в работе И.В. Арнольд “Импликация как приём построения текста и предмет филологического изучения». Автор, раскрывая сущность метафорического переноса, главенствующую роль отводит сравнению, которое входит в метафору как её важнейший компонент. Анализируя метафору Джойса И.В. Арнольд выделяет “предмет сравнения” (мыс), “носителя сравнения” (морда кита) и “выразителя отношения сравнения” (союз like), а также “основание сравнения”, которое помечено эпитетом “тупой” [1, 89].

Эта же точка зрения имеет место и в работах других авторов (см.: С.А. Мегентесов, А.М.Шахнарович, Н.М.Юрьева, Г.Н.Скляревская, Х.Д.Леэметс и др.).

На вторичность метафоры по отношению к сравнению указывает и тот факт, что сравнение, являясь синтаксической фигурой языка, может быть как безобразным, так и образным, в то время как метафора, даже если признавать существование в языке так называемых «мёртвых» метафор, в основе своей всегда образна.

Метафора опирается на ассоциативные связи человеческого опыта, в свою очередь эти ассоциативные связи появляются у человека в процессе осуществления его сознанием акта сравнения одного объекта реального мира с другим. Поэтому сравнение в метафоре является необходимым компонентом, с помощью которого соединяются субъект и объект метафоризации.

На диалектическую связь сравнения и метафоры указывает и то, что и первое и второе могут быть сведены к одной схеме строения: «S-R-O», где S – субъект сравнения (то, что сравнивается), O- его объект (то, с чем сравнивается), а R- отношение между ними (содержит указание на признак тождества, сходства, подобия).В этом случае субъект метафоры равен (тождественен) субъекту сравнения, в то время как объект метафоры соотносится с объектом сравнения. То, что ранее обозначалось нами через индекс “R”, как отношение между компонентами сравнения, в метафоре соответствует основанию сравнения, то есть тому признаку, который положен в основу метафоризации.

Вместе с тем форма текстовой реализации метафоры и сравнения имеет свои отличия. Так, в «классическом» сравнении эксплицируются все три компонента формулы (ср.: Я мотаюсь как клубок по городам (Розенбаум)), что делает образность сравнения прозрачной и облегчает процесс декодирования его смысла адресатам речи.

В «классической» же метафоре в явной форме предстает только третий компонент схемы- объект метафоризации. Ср.: Я видел озеро, стоявшее отвесно,– С разрезанной розой в колесе (Мандельштам). Импликация двух других компонентов сближает метафору с загадкой, «разгадывание» которой заключается в процессе реконструкции авторской идеи, замысла. В основе же этой реконструкции лежит поиск тех ассоциаций (сравнений), которые явились базой метафоризации.

Именно экспликация основания сравнения, другими словами – признака метафоризации, “даёт ключ” к разгадке метафоры.

Когда мы говорим “он – осёл”, то для понимания этой фразы важно установить ассоциативную, то есть сравнительную, связь между человеком, о котором идёт речь, и ослом. При таком сопоставлении выявляются признаки сходства между ослом и тем, кто назван этим словом. Поиск основания не всегда носит одно-однозначный характер, часто таких оснований бывает несколько, как это имеет место в рассматриваемом примере: этот человек глуп, как осёл; этот человек упрям, как осёл, однако все они лежат на поверхности, если речь идет о сравнении. Преобразование сравнения в метафору сводится к усечению в нем отсылочного фрагмента (ср. у Крылова : Когда вселенную Юпитер населял, И заводил различных тварей племя, То и осел, тогда на свет попал).

В любом случае метафора оказывается сводимой к сравнению: с помощью и через сравнение любая метафора может быть развёрнута в незначительную и/или довольно значительную синтаксическую конструкцию, в которой эксплицируется её сущность.

Связь между метафорой и сравнением может быть настолько тесной, что иногда эти явления трудно различить в реальном контексте.

Особенно это касается компаративных конструкций, выраженных творительным падежом. Ср., например: “Он встрёпанной белокурой птицей бродил по трём дворам и затевал разговоры с казаками” (Тынянов). “Кольцом жёлтым шелестящим кружились озером камыши” (Вс. Иванов) и др. Приведённые здесь примеры включают в себя сравнения, которые настолько близки метафоре, что при анализе примеров подобного типа допускаются инотолкования [см.15,131].

Неразличию сравнения и метафоры способствует и тот факт, что в тексте художественного произведения сравнения редко выступают в своем чистом виде, то есть как факт языковой системы. Чаще всего в художественном тексте, особенно в поэтическом, сравнение совмещает в себе метафору. Можно сказать, что происходит своего рода наложение метафоры на сравнение. Это приводит зачастую к неразличию сравнения, которое как бы “прячется” за метафорой.

Показательна в этом смысле ассоциативная метафора символистов. Так «повышенная ассоциативность в суггестивной системе Мандельштама» часто представляется в метафорической форме. Необычность его метафоры исследователи объясняют тем, что поэт изменяет первичное, *лежащее в основе метафоры сравнение* (выделено нами – *В. и Л.В.*), которое становится все более контрастным, многоступенчатым [5, 18]. В качестве примера подобного преобразования может служить стихотворение Мандельштама «Рояль», в котором через сложную систему метафорических образов осуществляется символизация (отождествление) рояля как столкновение музыки с историей. Декодирование подобных метафор требует от читателя не только особых усилий, но и определенной подготовленности, способности ума к абстрактному мышлению. С другой стороны, именно неподготовленность читателя ХІв. к восприятию тропенческих образов «Слова о полку Игореве» заставило древнюю литературу выработать свои средства защиты адресата от призрачной условности метафоры, среди которых на первом месте стоит развернутое сравнение(7,7), чтоеще раз подчеркивает тесную связь между этими лингвистическими явлениями.

Сопоставимость художественного сравнения и художественной метафоры позволяет выделить общие черты, присущие обоим явлениям: и художественное сравнение, и художественная метафора выступают объектом исследования поэтики и могут рассматриваться её эстетическими категориями: и художественное сравнение, и художественная метафора бессистемны. Они создаются и функционируют вне закономерностей языковой системы; и художественное сравнение, и художественная метафора одиночны и нуждаются в специальном толковании при декодировании художественного текста; и художественное сравнение, и художественная метафора невоспроизводимы; и художественное сравнение, и художественная метафора носят индивидуально-авторский характер; коннотации художественного сравнения и художественной метафоры отображают не количественное, а индивидуальное (авторское) виденье мира; и художественное сравнение, и художественная метафора субъективны и зачастую окказиональны по своему характеру; и художественное сравнение, и художественная метафора всегда синсемантически: они возникают и существуют только в пределах определённого контекста. Указанные признаки одновременно могут служить дифференциаторами языкового сравнения и языковой метафоры.

Подытожим сказанное. Исследование показало, что сравнение шире метафоры. Поэтому всякий метафорический перенос в своем развитии опирается на сравнение и включает последнее в свою структуру в виде составного компонента. В сравнении кроется «ключ» к разгадке метафорического смысла в процессе декодирования этой фигуры художественного текста. Нам представляется бесспорным факт признания

сравнения первичной категорией и в логике, и в языке, в то время как метафора рассматривается нами как явление вторичное и включающее в себя сравнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения.// Вопросы языкознания.– 1982.– №4
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языка.–М.:Из-во АН СССР сер. литературы и языка,1978.–Т.37.
3. Будагов Р.А. К теории грамматики и языковых контактов// ВЯ.–1979.–№2.
4. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды.–М.,1976
5. Поликарпик Л.К. Расширение семантики поэтической речи (на примере творчества О.Э. Мандельштама)// Филологические науки.–1991.–№6
6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика.–М.,1990
7. Хазагеров Г.Г. Функционирование фигур и тропов в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» //Филологические науки.– 1990.– №3.

Юрий СИТЬКО

© 2002

ЭТЮД ОБ ОТНОШЕНИИ МАРКСИЗМА И КАНТИАНСТВА К ПОСТРОЕНИЯМ Н.Я.МАРРА

Лингвистические взгляды Н.Я.Марра достаточно сложно отнести к какому-то конкретному философскому или методологическому направлению, поскольку в формировании этой концепции сыграли роль кроме собственно научных еще и политические факторы. Нельзя также сбрасывать со счетов и неоднозначную фигуру самого Н.Я.Марра, чья научная деятельность, по замечанию В.А.Звегинцева, с годами «приобретала все более очевидный патологический характер, чего, следуя утвердившейся инерции, старались не замечать или как-то обходить» (цит. по [Горбаневский, 1991: 55]). Принято считать, что построения Марра были достаточно оригинальными [Мещанинов, 1940: 10]. Часто недостатки, которые усматривают в этих построениях, объясняют политической конъюнктурой и особенностями личности самого Н.Я.Марра (ср. приведенное выше высказывание Звегинцева или [Абаев, 1965]) либо не объясняют вовсе [Леонтьев, 1990].

Мы считаем, что связывать все положения Марра только с особенностями его психики или политической конъюнктурой, считая «новое учение о языке» абсолютно оригинальным, не совсем корректно. Напротив, многие положения Марра подготовлены предыдущим развитием философии и лингвистики. Так, характеризуя истоки философских взглядов Марра, А.В.Десницкая справедливо указывала, что на ученого большое влияние произвели работы Смайльса, Спенсера, Кассирера, Леви-Брюля [Десницкая,1951: 31]. Большое влияние на формирование научных взглядов Марра оказали акад. Веселовский, с которым Марр был связан в своей работе, и социологические концепции акад. Покровского [Десницкая,1951: 31]. Сравнивая взгляды Марра и А.А.Потебни, Е.М.Галкина-Федорук пришла к выводу о том, что Марр разделял взгляды Потебни, в том числе и на проблему частей речи [Галкина-Федорук,1952:374]. По мнению В.В.Виноградова в основе построений Марра лежала биологическая теория